

Они добежали до лесистого склона холма. Деревья там росли так густо, что место напоминало заброшенный город: одичавшие лианы и переплетенные стволы заполнили безмолвную чащу. Порывы ветра колыхали верхушки, словно зеленую морскую гладь, или же лес походил на огромное спящее чудовище, оберегающее этот уголок, где всё живое могло чувствовать себя в безопасности.

Держась за руки, девочки пробирались сквозь заросли, минуя высокие валуны и гнилой валежник. В скалистом выступе, скрытом густой травой, они обнаружили пещеру. Было очевидно, что она рукотворная — скорее всего, вырыта кем-то из тех, кто поднимался на гору.

Укрывшись внутри, Лин набрала сухих веток и развела огонь. Она выпотрошила рыбу и принялась готовить для своей спутницы первый совместный обед.

Та молча наблюдала за её действиями, лишь сейчас начав по-настоящему осознавать, что именно Лин имела в виду, говоря о выживании.

— Как ты жила раньше? — внезапно спросила она, желая узнать о ней больше.

— Скиталась, просила милостыню, — коротко ответила Лин.

— А что ты ела?

— Всё, что попадется. В городе в мусорных баках полно еды, этого хватало, чтобы набить желудок. Иногда добрые прохожие давали немного денег, тогда можно было купить паровой хлебец или пирожок.

Она опустила голову и замолчала. Слова Лин давили на сердце, вызывая удушливую тоску, а в груди снова заныло.

— А сегодня у нас такая печеная рыба! Я даже на Новый год о таком не мечтала. Как же нам повезло! — Лин поднесла рыбу к лицу, с наслаждением втянула аромат и, причмокнув, добавила: — Как же вкусно!

— Ты... откуда ты умеешь ловить рыбу? — спросила она.

Лин вздрогнула, словно от удара током. Она долго молчала, а затем пробормотала:

— Мой второй старший брат научил. Он... вечно таскал меня на речку ловить рыбу... — Взгляд девочки потускнел.

— Второй старший брат?

— Да... Меня дважды продавали. Говорят, когда я родилась, меня бросили у дороги. Один старик подобрал меня и растил до четырех лет. У него был сын, на четыре года старше меня, который вечно меня обижал. Потом тот старик отдал меня в другую семью... как раз к тому самому второму брату. Он всегда со мной играл, ловил рыбу, ловил стрекоз. Я его больше всех любила... А потом, когда мне было шесть, я потерялась на вокзале и начала скитаться. Год бродяжничала, пока меня не забрали те двое, а потом встретила тебя... — Лин рассказывала это так спокойно, словно пересказывала чужую историю. Но она видела, как та изо всех сил сдерживает слезы.

Она не проронила ни слова. Это было в её правилах — не привязываться ни к кому. Но эта девочка с самого начала вызвала у неё странные чувства, заставляя сердце откликаться.

— Я... так хочу вернуться к братику... — прошептала Лин, словно в бреду.

Наступила гнетущая тишина. Спустя долгое время Лин будто очнулась от своих мыслей, тут же озарила лицо яркой улыбкой и протянула рыбу:

— Вот, готово! Ешь скорее, очень вкусно!

— А ты не будешь? — спросила она.

— Я не голодна, вчера вечером много съела! — продолжала улыбаться Лин.

Она взяла рыбу, посмотрела на неё, потом на Лин, и откусила кусочек. На самом деле она уже давно заметила, как у Лин пересохло в горле от голода. В этот момент у неё предательски защипало глаза.

Съев половину, она протянула рыбу обратно:

— Я больше не могу, хочешь доесть?

Лин взяла рыбу, а она вышла из пещеры. Она знала, что Лин будет жадно есть, и не хотела смущать её своим присутствием. Выйдя наружу, она не смогла сдержать горячих слез. Она была поражена: за все эти годы она разучилась плакать, а сегодня эти странные капли пролились уже не в первый раз.

Насытившись, они улеглись в глубине пещеры на кучу сухой травы, прижавшись друг к другу, и вскоре крепко уснули.